

Катунина Н.Ю. ЭКСТЕРНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

Экстернальные культуры существовали и существуют в разных обществах. Ранние христиане были экстерналами в Римской империи. В средневековой Европе - это многочисленные ереси. В России - раскол.

Экстернальные культуры аккумулируют определенные нормы и символику. Если основная культура - это те нормы и символы, которые задают основной принцип упорядочения данного общества, то в экстернальные стекается все, что осталось вне основного мифа - самоописания общества [1].

Существует баланс двух подсистем общества: «контркультура» немыслима и не существует без официального общества. Они взаимодополнительны и связаны. Это одно целое. Для такого рода выпавших культур можно предложить термин «экстернальные» (от лат. *«externus»* - чужой). Сообщества типа «Системы» действительно отчуждены от общества, хотя и неотделимы от него. Сфера экстернальной культуры включает множество разных «субкультур»: например криминальную, богемную, наркоманию, и т.д. Они экстернальны в той мере, в какой их внутренние ценности противопоставлены так называемым «общепринятым». Их объединяет то, что все они - локальные коммуникативные системы, расположенные вне рамок основной сети (той, что определяет государственное устройство) [2].

Если представить общество в целом как иерархию взаимосвязанных позиций (статусов), то «Система» окажется между позиций, то есть вне общества. Не случайно общественным мнением и научной традицией она относится к сфере *андеграунда* (от англ. *«underground»* - подполье), «контркультуры». Все эти определения указывают на внеположенность, для которой характерны приставки «контр-», «под-», «не-». Ясно, что речь идет о чем-то противостоящем («контр-»), невидимом и скрытом («под-»), неоформленном. Эта локализация вне структур общества вполне согласуется и с собственно «Системным» мировосприятием [3].

Необходимо дать характеристику «Системы», хотя бы самую общую, что бы можно было представить, о чем идет речь. Но сделать это оказывается непросто. Привычных черт сообщества здесь, кажется, нет. Сама «Система» категорически отвергает попытки свести ее к какой-либо социальной схеме.

Действительно, «Систему» нельзя определить ни как организацию или партию, ни как общину или политическое (идейное, религиозное) движение. А как ее определить?

Существует способ определения сообщества через его место в социальной структуре. Что касается «Системы», то ее типичный представитель находится в промежутке между позициями социальной структуры.

Практически каждый член системы является «промежуточным», например: художник (среди друзей известен как художник), а работает в котельной кочегаром; поэт (дворник), философ (бродяга без определенного места жительства). Статус в собственных глазах не совпадает со статусом в глазах общества. Принимаемые нормы и ценности иные, нежели предписанные обществом. Система, объединяющая таких людей, оказывается в результате сообществом, находящимся в промежутках социальной структуры, вне ее.

Такие люди настаивают на своей непринадлежности к обществу, или иначе - независимости. Это - важная черта «Системного» самосознания. Они относятся к «лиминальным сообществам», то есть возникающим и существующим в промежуточных областях социальных структур (от лат. *«limen»* - порог). Здесь собираются «лиминальные» личности, лица с неопределенным статусом, находящиеся в процессе перехода или выпавшие из общества [4].

Откуда же и почему появляются «выпавшие» люди? Здесь два направления. Первое: в этом выпавшем, неопределенном, «подвешенном» состоянии человек оказывается в период перехода с позиции одной на позицию другой социальной структуры. Потом он, как правило, находит свое постоянное место, обретает постоянный статус, входит в социум и покидает сферу «контркультуры».

По одной из концепций причина протеста молодежи и ее противостояния миру взрослых - «нетерпение» занять места отцов в социальной структуре, а они некоторое время еще остаются заняты. В итоге происходит втирание нового поколения в ту же структуру и, следовательно, ее воспроизводство [5]. Второе направление объясняет появление выпавших людей сдвигами в самом обществе. «Молодежь приходит, взрослея, уже не в тот мир, к которому ее готовили в процессе социализации. Опыт старших не годится. Молодых готовили к занятию одних позиций в социальной структуре, а структура уже другая, тех позиций в ней нет» [6].

Новое поколение ступает в пустоту. Не они выходят из имеющейся социальной структуры, а сама структура ускользает из-под их ног. Здесь и начинается бурный рост молодежных сообществ отталкивающих от себя мир взрослых, их ненужный опыт. И результат пребывания в лоне «контркультуры» здесь уже другой: не встраивание в прежнюю структуру, а строительство новой. В ценностной сфере смена культурной парадигмы: ценности контркультуры «всплывают» и ложатся в основу организации «большого» общества. А прежние ценности опускаются в подземный мир «контркультур». На самом деле эти два направления не отвергают друг друга, а дополняют. Речь идет просто о разных периодах в жизни общества, или его разных состояниях. В стабильные периоды и в традиционных обществах выпавшие люди - это действительно те, кто в данный момент, но временно, находится в процессе перехода. В конце концов, они входят в общество, там устраиваются, обретают статус.

В периоды перемен выпавшими становятся в той или иной мере значительные прослойки. Иногда это задевает, чуть ли не каждого, многие проходят через «контркультурное» состояние (попадают в зону действий «контркультуры»).

Ни одна «Система» не может охватить все без остатка. Неизбежно, что-то из нее выпадает. Это остатки прежних мифов, ростки нового, информация, проникающая от чужих и не вписывающаяся в основной миф. Все это оседает в сфере экстернальной культуры.

Неопределенность и самоорганизация: «Система» - пример сообщества, куда стекаются выпавшие из социальной структуры. Эти люди не имеют определенного положения, прочной позиции - их статус неопределен. Состояние неопределенности играет особую роль в процессах самоорганизации.

Сфера неопределенности - это те социальные пустоты, где мы можем наблюдать процессы зарождения структур сообществ, превращение бесструктурного состояния в структурное, т.е. самоорганизации. Существует еще один способ определения (или представления) сообщества, кроме как через его локализацию в социальной структуре: через символику. Именно так обычно происходит на уровне обыденного сознания или журналистской практики. Пытаясь выяснить, кто такие «хиппи» (или «панки» и проч.), мы, прежде всего, описываем их знаки.

«Лохматые, в залатанной и сильно потертой одежде, иногда босые, с холщовыми торбами и рюкзаками, расшитыми цветами и исписанными антивоенными лозунгами, с гитарами и флейтами парни и девушки прохаживаются по скверу, сидят на скамейках, на лапах бронзовых львов, поддерживающих фонари, прямо на траве. Оживленно беседуют, поют в одиночку и хором, закусывают, покуряют...» [8].

Автор передает как бы непосредственное впечатление, просто указывая на явление: «вот оно». Указание здесь - способ введения понятия (вместо аналитического определения).

Если присмотреться, то оказывается, что это «непосредственное впечатление» на самом деле целенаправленно вычлняет из наблюдаемой реальности символику «тусовочного» общества. Практически все, что упоминается выше, служит у «хиппи» опознавательными знаками «своих».

Здесь символика внешности: лохматая прическа, потертая одежда, самодельные сумки и т.п. Затем графическая символика: вышитые цветы (след Цветочной революции, породившей первых хиппи), антивоенные лозунги, типа: «Любите, а не воюйте!» - знак важнейшей ценности этой среды - пацифизма, ненасилия.

Поведение, описанное в приведенном пассаже: неторопливые прогулки, свободное музицирование, вообще преувеличенная непринужденность - то же знак. Это все форма, а не содержание общения. То есть первыми в глаза бросаются знаки принадлежности к сообществу. И именно их описывают, желая это сообщество представить. И действительно, наличие особой символики, расцениваемой как «своя», есть уже безусловный знак существования коммуникативного поля, некоего социального образования.

А. Коэн, например, вообще определяет сообщество, как поле символики: «Реальность сообщества в восприятии людей, - пишет он, - заключается в их принадлежности... к общему полю символов». И далее: «Восприятие и понимание людьми их сообщества... сводится к ориентации по отношению к его символизму» [9].

Наличие своей символики создает возможность образования общности, поскольку обеспечивает средство коммуникации. Символ - оболочка, в которую упаковывается «своя» информация. В таком виде она отлична от чужой, а следовательно, возникает разница в плотности коммуникативных связей внутри той сферы, где действует символ и вне ее. Это и есть сгущение контактов, на базе которого формируются социальные структуры [10].

Насколько это справедливо для «Системы»? Сложилось ли на базе ее символики социальное образование? Как уже говорилось, «Систему» нельзя назвать в полном смысле группировкой: в ее недрах постоянно идут перегруппировки, исчезают одни объединения и формируются новые. Люди переходят из группы в группу. Это, скорее, некая среда общения. Тем не менее, «Систему» можно рассматривать как сообщество, поскольку присутствуют такие признаки, как общий язык (сленг и символика), сеть коммуникаций - личные связи, поверхностные знакомства.

Есть общие нормы и ценности, а также модели поведения и формы взаимоотношений. Присутствует и «Системное» самосознание, которое выражается, в частности, в самоназваниях.

Сленг и символика составляют основу внутренней коммуникативной среды «Системы», отделяя ее от внешнего мира. При этом символика системы чрезвычайно эклектична, в ее фонде можно встретить символы, пришедшие из разных религиозных групп (например, от кришнаитов или баптистов), молодежных и течений (атрибуты панк-рока или тяжелого метала), а также различных общественно-политических движений: пацифизма, анархизма, коммунизма и проч [11].

Система обладает особенностью впитывать чужую символику и, перекодировав, включать в свой фонд. Надо различать носителей одной и той же символики, принадлежащих к «Системе» и не принадлежащих к ней. Например, есть «панки» в «Системе», «тусующиеся» вместе с «хиппи», и «панковские» группировки вне ее. Последние совсем не причисляют себя к «Системе». Точно так же есть «Системные» и несистемные металлисты, буддисты, битломаны и проч.

Итак, наличие общей сети коммуникаций с обслуживающим ее собственным языком, а также общего самосознания, норм и ценностей позволяет говорить о «Системе» как о сообществе (еще не зная его структуры).

Но особенно существенно для нас то, что в рамках этого сообщества сложилась своя традиция, основ-

ная главным образом на устных механизмах передачи. Каждые два-три года в «Системе» сменяются «поколения» на арену выходит новая когорта молодежи. Люди меняются, а традиции «Системы» остаются: воспроизводятся те же основные нормы отношений и ценности, такие как «свобода», «любовь» (в кавычках, потому что этим понятиям предается особый, «Системный» смысл); новички осваивают сленг и используют «Системные» символы, так что внешне они мало, чем отличаются от своих предшественников. Воспроизводятся фольклорные формы: поговорки, анекдоты, частушки, легенды, и предания. Таким образом, мы имеем здесь традицию, способную к самовоспроизводству. Существует не только система коммуникативных связей на синхронном уровне, но и диахронные каналы коммуникации. Носители традиции определяют ее возраст примерно в два десятка лет: двадцатилетие торжественно праздновалось 1 июня 1987 г. Это точка отсчета, конечно, мифологическая (считается, что первое июня 1667 года первые хиппи вышли в Москве на Пушкинской площади на улицу и призвали отказаться от насилия).

«Живите как дети» - это суть системного мировосприятия, и многое в ее символике связано с образами детства. «Поколения» здесь меняются через два - три, иногда четыре года. С приходом каждого из них «Системная» традиция пополняется новой символикой. Каждое поколение приходит как новая волна: в начале были хиппи, они составляли ядро «Системы». Теперь их последователей чаще называют «волосатыми» или «хайрастые» (от англ. hair - волосы); затем пришли «панки», потом металлисты, затем «люберы» (и др., отмеченные также символикой уходящего Советского Союза). Каждая волна приносит свои атрибуты. В начале она обычно враждует с системой: первые «панки» терроризировали «волосатых», первые «металлисты» - «волосатых» и «панков». Затем начинаются контакты, постепенно обнаруживается, что «Система» впитала символику новой волны: в ней появились свои «панки», «металлисты» и прочие. Таким образом, представляется возможность наблюдать процесс восприятия традиций и новаций, а также другие процессы, связанные с трансляцией традиции. В «большой» (на пример, племенной или общинной) традиции, где период смены поколения составляет 25-30 лет, наблюдения такого рода процессов потребовало бы времени, сопоставимого с жизнью исследователя. В «Системе» же все происходит намного быстрее. Это делает «Систему» удобной моделью для наблюдения закономерностей общества и пополнения традиций, хотя мы отдаем себе отчет в некоторой условности ее аналогий с привычными объектами этнографического исследования. Они сопоставимы в той мере, в какой одна коммуникативная система вообще может быть сопоставлена с другой. Так или иначе, есть общие закономерности в способах диахронной передаче информации. Обнаруживаются коммуникативные структуры, ответственные за сохранение и передачу кода сообщества; есть основания полагать, что они во многом схожи в разных средах [12].

Источники и литература

1. Лисовский В. Т. В каждом ли споре рождается истина? – М., 1991. – С. 112.
2. Там же.
3. Фразеология в контексте культуры. Ред.: В.Н. Телия. РАН. – Москва. – 1999. – С. 102.
4. Громов А.В., Кузин О.С. Неформалы: кто есть кто? – М.: Мысль, 1990. – С. 24.
5. Там же. – С. 32.
6. Лисовский В. Т. В каждом ли споре рождается истина? – М., 1991. – С. 127.
7. Шепанская Т. Б. Символика молодежной субкультуры: опыт исследования системы. – СПб., 1993. – С. 148.
8. Там же. – С. 143.
9. Шепанская Т. Б. Символика молодежной субкультуры: опыт исследования системы. – СПб., 1993. – С. 149.
10. Там же.
11. Громов А.В., Кузин О.С. Неформалы: кто есть кто? – М.: Мысль, 1990. – С. 173.